

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

ПРОЙДЕМ НАД ГРЯДУЩЕЮ БЕЗДНОЙ

* * *

Я не верю в судьбу, не пытаю судьбу.
Вот еще один год — словно сажа в трубу!
Это кто ж кочергою там угли ширяет?
Распахнул поддувало, а тяга сильна!
Из трубы в черном космосе дырка видна:
Не в нее ли однажды душа отлетает?

Бросит грешное тело, как житель избу.
Пролетит вместе с хлопьями сажи в трубу,
И, наверно, испачкает саван Господний.
И к созвездию Рака, поскольку я — Рак.
Поспешит, огорчаясь: “Ах, парень-дурак,
Сдох бы раньше, дорога была бы свободней.

А теперь сколько их — Близнецы да Тельцы...
Жили-были, и вот обрубили концы...”
Я не верю, что души цепляют друг друга.
Я не верю, что тесно в космической мгле:
Космос — это простор, это не на земле,
Где мы вброшены в круг — и не выйти из круга.

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич — известный русский поэт, автор нескольких стихотворных книг. Живет в поселке Кузьмолово Ленинградской области.

Я не верю в судьбу, я ее не молю,
Я ножовкою обруч мой ржавый пилю,
Да смотрю на песок и листки обрываю.
И на мир, что во мне, предъявляя права,
Я пишу на стене золотые слова
И строку самогоном крутым запиваю...

Ой, ты, Боже еси, призови и спроси:
Сумасшедшие есть ли еще на Руси?..
Я отвечу, что есть, потому что я знаю.
Потому что я вижу — в таком же окне
Тусклый свет, значит, кто-то и там на стене
Пишет слово и пропасть обходит по краю.

Да случится!
И станет, и будет спасен,
А не просто летучим песком занесен,
И другой, и еще, и совсем неизвестный.
Значит, тем и живем, значит, и потому,
Раздвигая руками тяжелую тьму,
Мы однажды пройдем над грядущею бездной.

* * *

Запахнусь в дождевик и свернусь у костра,
Как положено — все неудобства приемлю,
И под небом огромным всю ночь до утра
Стану греть своим телом остывшую землю...

Я лежу у костра. Я не сплю. Я молчу.
Как погаснет костер, я совсем не замечу.
Шар земной повернется рассвету навстречу
И меня вместе с полем подставит лучу.

И копытцами росы дробя вразнобой,
Отрясая цветы, как дитя торопливый,
Подойдет жеребенок с кудрявою гривой
И щеки моей сонной
Коснется губой...

* * *

КАМаз отползает в кювет. Застревает.
И небо дождем чернозем засекает.
Горят палисады созревшей калиной,
И племя сайгачье ковыльной долиной
Сквозь мглу дождевую — то дальше, то ближе.
И кот на карнизе, и ворон на крыше —
Согбенный старик — отрясает крыла —
Две тощих души на квадрате села.
Все пусто, и мокро, и так некрасиво...

И лишь за мостом, за распаханной гривой,
В плаще, как в хитоне, — Господь на Руси! —
Идет агроном и не тонет в грязи.

* * *

Постой, душа... Замри, остановись!
Дай надышаться запахами поля,
Дай погасить осколок острой боли,
И, опечалась, посмотреть на жизнь —
На этот неумолчный шум воды,
На молодые гибкие побеги,
На все, что не кончается вовеки...
Дай рассмотреть в пыли свои следы,
И осознать, что правильны пути,
Что мною верно выбрана дорога...

О, сколько мне еще шагать до Бога,
Успею ль это поле перейти?

* * *

Стихи, стихи...
Идет игра на жизнь!
Я тоже мог бы, загребая деньги,
В крутой машине, вытаращив зенки,
Лететь туда, где в жгут переплелись
Тугие струны жадных интересов,
Где каждый хочет не свое толочь,
И смотрит в мир из-под бровей-навесов,
Как смотрит зверь в распахнутую ночь.
Нет, нет...
И за стихи, за радость эту,
За строчку, что еще не покорил,
Я жизнь мою, что Бог мне подарил —
Готов отдать, как звонкую монету!
Крути меня, Господь, гни на излом,
Вей из меня серебряные жилы,
Чтоб в горький час, когда не станет силы,
Я смог упасть не решкою — орлом.

СИБИРЬ

*Вновь на снегах,
от бурь покатых...*
П. Васильев

Набитые ветром сугробы тверды,
Подковой ударь — не останется вмятин.
Мне этой породы характер понятен —
Сибирь отвергает насилья следы.

Она, принимая желающих в плен,
Лежит, развалившись, от края до края,
Как будто звериная шкура сырая —
Мездрую наружу, с потеками вен.

Осадит морозом, бураном нахлынет,
Взопреет под волчьей дохой золотой —
И стынут хрящи носовые, и стынет
Надбровная кость и гудит ломотой.

И если не дерзок, и если не ловок,
Зароет в снегах, как в пуху лебедей,
Начертит звездой на кресте заголовок
И солью проступит на шляпках гвоздей.

И талой водою очистит скулу,
И выбелит кость, и седьмою весною
Проколет глазницы хвоинкой-сосною
И, ствол выгоняя, погонит смолу.

И кто-то, идущий тропою другою,
В таежном урмане, в брусничных кистях,
На лопнувший череп наступит ногою
И вздрогнет, и тяжесть осядет в костях.

Надолго осядет, но, кровь будоража,
Упрямо и снова поманит туда,
Где синим костром над улогами кряжа
Мохнато сверкает медвежья звезда.

ЛЕБЕДИНОЕ ПЕРО

Туман сошел. Луна сквозь листья сада
Роняет на тропинку серебро.
Со мною — ты, и ничего не надо...
Очиним лебединое перо!
Гусиным можно, можно ястребиным, —
Их, перьев этих, столько на лугу! —
Но о любви нельзя не лебединым:
Любим иным я просто не смогу.
Я напишу: “Как пахнут Ваши плечи!..”
Я прикоснусь губами к завитку,
И загорятся, засверкают свечи
В зрачках твоих, читающих строку.
— Так просто все?..
Конечно, очень просто...
Ведь это лебедь...

Небо...

Перелет...

По этому перу стекали звезды,
По этому крылу стреляли влет!
Оно стонало, билось и плескалось,
Кипело страстью, рвало небосвод,
Оно такой любовью пропиталось!

...И не заметим мы, как перейдет —
Под занавесок легких колыханье,
Под шум листвы — попробуй, улови! —
Поэзии неровное дыханье
В неровное дыхание любви.

* * *

И тогда, устав от этой боли
За тебя, моя больная Русь,
Я зажгу свечу и выйду в поле,
И на холм высокий поднимусь.

Будет небо чистым, звезды — близко,
Дух степной не колыхнет свечу,
И огонь, как отблескobelиска,
Озарит меня, и прошепчу:

“Я готов к разлуке и расплате,
До оси сносил я колесо...
Я не просто русский, я — в квадрате.
Господи, как просто это все!

Нужно только верить — и я верил.
И любить. Как сильно я любил!
И на свой аршин страну не мерил,
И не предал я, и не убил...”

Встрепенется птица на болоте,
И заря оплавит бок земли,
И мое дыханье на излете
Опадет росой в ковыли...

* * *

Упиралась вода...
О. Мандельштам

То не выпь на Тоболе трубит — плотогон!
В связке сосны и ели. Раздрай и разгон.

Ствол восходит свечой в серых брызгах воды —
Берегись, человек, далеко ль до беды!

На Тоболе темно и на Каме темно.
Золотою корою бревно о бревно

Мягко трется, и берег, незримый в ночи,
Дышит синим и белым, кричи не кричи.

А над скопищем бревен, над прорвою вод
Черным платьем в горошек трясет небосвод.

Пена бьется у ног, влага рвется с ковша...
И Воронеж хорош, и Сибирь хороша!

ПО СЕНО (из юности)

Бескрайний снег. Россия. Купыри.
Травы созревшей пышные метелки
Опушены морозом. В волчьих холки
Рассвет вплетает ленточку зари,

И слышно, как токуют глухари
За речкой, на бору, у самой кромки...
Пристяжка рвет и дышит на постромки
Серебряным туманом из ноздри.

И серебром окутанные сани,
Визжа, идут в раскат на вираже,
И ты, вращая крупными глазами,
Стоишь в санях в хозяйском кураже,
Чуть шевеля подобранной вожжой,
Весь в инее, бессмертный и большой.